

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**О ПЕРЕВОДЧИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
Х. Ф. ГЕЛЛЕРТА «ДОСТОЙНАЯ ЛЮБВИ»
(«LIEBENSWÜRDIGE»)**

В Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова, изданном Н. И. Новиковым, помещено стихотворение под названием «Господина Геллерта достойная любви» в разделе «Оды разные».¹ Оригинал был определен немецким исследователем Петером Дреусом, указавшим на публикацию стихотворения Х. Ф. Геллерта «Liebenswürdige», появившуюся в 1743 г. на страницах моралистического журнала «Увеселения разума и остроумия» («Belustigungen des Vernunftes und Witzes»)² Об интересе к этому журналу в России писал В. Д. Рак.³ Журнал издавался последователем И. Х. Готшеда Иоганном Иоахимом Швабе с 1741 по 1745 г., и несколько произведений из «Увеселений разума и остроумия» в переводе на русский язык появились в академическом издании «Ежемесячные сочинения», в том числе и стихотворение Геллерта. Это был первый русский перевод произведений Геллерта, вскоре получивший большую известность в России XVIII в. Переводчиком исследователи называют Сумарокова. П. Дреус писал, что «он пропагандировал прежде всего поэзию Геллерта, стихотворение которого „Достойная любви“ он представил в 1755 г. как творение „знаменитого поэта“».⁴

¹ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... М., 1781. Ч. 2. С. 169—171.

² Belustigungen des Vernunftes und Witzes. 1743. Bd. 4. May. S. 481—482.

³ Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 106—107.

⁴ «Er propagierte vornehmlich Gellerts Poesie, dessen *Liebenswürdige* er 1755 als die Schöpfung eines „berühmten Dichters präsentiert“» (См.: Drews P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland 1750—1850. München, 2007. S. 12).

Эта атрибуция как будто бы подтверждается включением этого произведения в издание Новикова. Приводим текст этого стихотворения:

Die Liebenswürdige	Господина Геллерта Достойная любви
Gepriesen sey der Treib vor allen, Durch den wir andern wohlgefallen,	Пред всеми хвальна будь иными Страсть, коей мы другим любимы
Und uns der andre wohlgefällt! Gepriesen sey der Zug zum Lieben,	И тех, что нравных нам творит! Будь хвально то к любви ласканье,
Den in den feuerreichen Trieben Vernunft und Tugend unterhält!	Коль новый жар в ней и пыланье Ум с добродетелью родит!
Nicht Schönheit, die den Körper zieret, Nicht Anmuth, die das Auge rühret, Nicht unsre Flammen dauerhaft; Der Glieder Reiz und Seltenheiten	Одна лишь красота телесна, Приятность и очам прелестна Не может вечно нас зажечь; Что в членах льстит и нас пленяет,
Sind durch die Hand der flüchtgen Zeiten, In wenig Jahren hingerafft.	То наглость времени снedaет И может вскоре все пресечь.
Wird einst mein Kind nichts mehr besitzen, Als Augen, die vom Feuer blitzen, Als zarte Haut auf Stirn und Hand; Was werd ich denn zu lieben haben, Wenn ihr ein Fieber diese Gaben Aus Augen und Gesicht entwand?	Когда моей любезной властны Глаза одни лишь будут ясны, Одна и нежность рук, лица, То, что тогда любить я стану, Когда к вреду их и изъяну Явит горячка силу зла?
Sie muß mich nicht allein mit Blicken, Sie muß mich auch durch Geist entzücken, Wenn mir ihr Körper wohlgefällt, Ein solches Kind preis ich vollkommen, Das mir durch Reiz mein Herz genommen, Und durch Verstand es feste hält.	Она меня дивить не взором Должна, но умным разговором, Коль мне ея приятен вид. Хвалю любезну совершенно, Мне сердце, лаской что плененно, Еще больш разумом крепит.
Den Mund an volle Lippen schließen, Die feurig, süß uns schmachtend küssen,	Уста те целовать стократно, Целуют сами что приятно,

Ist tausend Wollust für den Mann;
Allein, wie viel wird er vermissen,
Wenn dieser Mund zwar zärtlich
küssen,
Nicht aber zärtlich reden kann!

Ein treues Herz ist ein Geschenk,
An das ich stets mit Ehrfurcht denke
Und jeder nehm es wohl in Acht;
Allein es ist nur halbes Glück,
Wenn mir durch Klugheit und Ges-
chicke
Mein Kind dies Herz nicht kostbar
macht.

Nicht ist es Weisheit aus den Schulen;
Wornach wir bey den Schönen buh-
O nein; es ist ein feiner Geist;
Ein Geist, den die Natur belebte,
Und der nach edlern Dingen strebte,
Als Mode, Staat und Putzwerk heißt.

Zwar werd ichs herzlich gerne leiden,
Wenn sie die Kunst, sich schön zu
kleiden
Nach dem Befehl des Wohlstandes übt;
Doch wird mich dies weit höher rühren,
Wenn sie nicht nur die Kleider zieren,
Nein, sie den Kleidern Ansehn gibt.

Laßt vieler Jahre Lauf verschwinden,
Sie muß mich auch noch spät entzün-
den,
Ihr Werth entgeht durch keine Zeit;
Denn flieht der Frühling ihrer Jugend:
So bleibt ihr doch bey Geist und Tu-
gend
Ein Herz voll holder Zärtlichkeit.

Wenn zwanzig Jahre frohverfliegen,
Wird mich ihr Kuß noch so vergnügen
Als mich ihr erster Kuß vergnügt.

Для мужа есть милей всего;
Однак сколь много он теряет,
Драгая коль усты лобзает,
Речью не веселит его.

Великий дар есть сердце верно,
Я тое чту нелицемерно,
И всяк со мною должен чтить;
Но мне то к счастью не довольно:
Ласканье коль рассудка полно,
Мне милым сердца не читит.

Любить красавиц заставляет
Не школьна мудрость: нас прель-
щает
Забавный дух и разум тех,
Натурой разум оживленный,
Вещам и к лучшим устремлен-
ный
От моды и нарядов всех.

Хотя мне то весьма приятно,
Умеет коль она изрядно
Пристойно и себя одеть,
Но радость та мне несравненна:
Она не платьем украшенна,
Но платью коль красу дает.

Пусть бег лет многих пролетает,
Она жар тот же в мне рождает:
Ей время не уймет изрядств,
Ея хоть младость и убудет,
Но добродетель, ум прибудет,
И сердце полно всех приятств.

Хотя б лет двадцать проходило,
Лобзанье будет столь мне мило,
Сколь первый поцалуй ея.

O Liebe! Gieb nach deinen Trieben
 Das so ein Kind, als ich beschrieben
 Einst meiner Freunde Herz besiegt.

Любовь! О, даруй, чтоб такая
 В сердцах друзей моих драгая
 Свое во время власть взяла.

Н. F. Gellert⁵

Перевод стихотворения отличается несвойственной для Сумарокова архаичностью языка и крайней тяжеловесностью стиля. Но при этом переводчик стремился как можно точнее следовать за автором: сохранено не только число строф, размер стиха (пятистопный ямб), но и буквальное содержание почти каждой строки. Можно заметить, правда, небольшие, но значимые отличия. В нравоучительном стихотворении Геллерта речь идет о девочке или совсем юной девушке: ей преподносятся советы, как вести себя, чтобы ее ценили не только за внешнюю красоту, которая с годами увянет, но и за ум, и добродетель. В русском переводе речь идет уже не о ребенке: вместо слов «mein Kind» (мое дитя) появляются слова «моя любезна»; вместо слова «Kuß» (поцелуй) — «лобзанье». В целом же создается образ идеальной женщины, которая способна покорить сердце поэта и его друзей.

Вопрос о переводчике этого стихотворения нельзя решить, если не принять во внимание его первую журнальную публикацию в «Ежемесячных сочинениях» в августе 1755 г. Сумароков уже печатал в предшествовавших выпусках свои произведения, неизменно подписывая их инициалами «А. С.». Если это была подборка из нескольких сочинений, то подпись следовала в конце. Каждая публикация в журнале — будь это одно произведение или подборка — имела свою особую нумерацию римскими цифрами. Публикации стихотворения Геллерта предшествовала такая подборка под номером IV, в которую вошли следующие стихи Сумарокова: «Эпистола» («Желай, чтоб на берегах сих музы обитали...»), «Перевод второй Сафиной оды», «Баллад» и «Мадригал», и после этих публикаций следовала подпись «А. С.». Затем уже под номером V напечатано «Письмо к издателю Ежемесячных сочинений», непосредственно предворяющее стихотворение «Господина Геллерта Достойная любви». Подпись отсутствует и после «Письма», и после текста стихотворения.

Благодаря обращению к наборной рукописи «Ежемесячных сочинений» за 1755 г., хранящейся в СПбФА РАН,⁶ Л. Б. Мод-

⁵ Belustigungen des Verstandes und des Witzes. S. 481.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. № 25.

залевскому ранее удалось установить, что автором статьи «О качествах стихотворца рассуждение» был Г. Н. Теплов: в рукописи стоит его подпись, отсутствующая в печатном издании.⁷ Но стихотворение Геллерта и предшествующее ему письмо, как и в журнале, помещены без подписи.⁸ Модзалевский определил стихотворение как сочинение неизвестного автора, хотя не упомянул о том, что оно опубликовано в издании Новикова.⁹ В рукописи все сочинения Сумарокова и подборки его стихов также неизменно имеют подпись «А. С.». После одной из подборок, предназначенных еще для майского выпуска, аккуратно выведена эта подпись и ниже особо добавлено NB: «Так имя напечатать».¹⁰ Насколько ревностно Сумароков относился к вопросу о своем авторстве, свидетельствует и реакция поэта на публикацию Тепловым его песен в сборнике «Между делом безделье» (1759). Вслед за этой публикацией Сумароков в ноябре 1759 г. напечатал все свои песни, вошедшие в сборник Теплова, в журнале «Трудолюбивая пчела», с предисловием: «Следующие песни нашел я между прочими напечатанными песнями с приложенными нотами, под чудным титулом, которые отчасти были испорчены; чего ради должен я, их поправив, как они от меня сочинены, выдать в сих изданиях, чтобы чужие погрешности не были почтены моими, притом желая, чтобы дерзость издавати чужие сочинения, без воли авторов, не умножилася, а еще меньше то портити, что другие тщательно сочиняли и меньше еще налагати чужим трудам непристойные титула, чего нигде не водится и что нигде не позволяется».¹¹

Л. Б. Модзалевский, детально исследовавший наборную рукопись, писал: «А. П. Сумароков, участвовавший в „Ежемесяч-

⁷ Модзалевский Л. Б. Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение»: (Из истории русской журналистики 1755 г.) // Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века. СПб., 2011. С. 56—107.

⁸ СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. № 25. Л. 412—416. Приношу благодарность Н. Ю. Алексеевой за участие в просмотре этой рукописи и дальнейшее внимание к настоящей работе.

⁹ Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения... С. 96. При этом Б. Л. Модзалевский, как и Г. А. Гуковский, считал, что издание Новикова «не плохо отредактировано», в отличие от П. Н. Беркова, который указывал на встречающиеся в издании Новикова небрежности, часто связанные с объективными причинами, в том числе состояние не дошедшего до нас архива Сумарокова, которым он пользовался.

¹⁰ СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. № 25. Л. 277 об.

¹¹ Трудолюбивая пчела. 1759. Ноябрь. С. 678.

ных сочинениях“ с мартовского номера, всегда переписывал, как это нами установлено на основании обнаруженных его рукописей, свои сочинения также собственноручно». ¹² Четкий почерк, которым написаны сочинения Сумарокова для публикации в журнале, решительно отличается от почерка, которым написано «Письмо» ¹³ и стихотворение Геллерта. Очевидно, это почерк писарский: им же отдельно написаны первые три строки стихотворения — начальный вариант, еще более тяжеловесный, чем окончательный текст, и отвергнутый или самим автором, или редактором. Вот эти строки:

Будь хвальна склонность та пред всеми,
Других нрав коей к нам влечем мы
И нас что нравных тем творит! ¹⁴

Важно отметить, что Новиков, обычно публиковавший вместе со стихами заметки и пояснения Сумарокова, не напечатал «Письмо», предшествовавшее стихотворению, хотя из него явствует, что оно написано именно самим переводчиком. Вот текст этого «Письма»:

У. Письмо к издателю Ежемесячных сочинений

Государь мой!

Будучи известен, что здешняя императорская Академия наук собрание Ежемесячных своих сочинений вам поручила, осмелился, по благосклонному ея ж приглашению, сообщить вам, государю моему, перевод стихов господина Геллерта. Охотно признаваясь, что я никогда не старался быть в профессии стихотворцов, не стыжусь подвергнуть оные благоразумному таких, как вы, людей рассмотрению, в таковом надеянии, что ежели вы что-нибудь сыщете в них, которое б могло занять место в вышеупомянутых книжках, и оные туда ж внести соблаговолите и тем меня к дальнейшему в стихотворстве побудите упражнению; ежели ж нет, то пошлете их к Вулкану и тем уверите меня о моей к сочинению стихов неспособности. Правда, что Геллертовы сочинения всег-

¹² *Модзалевский Л. Б.* М. В. Ломоносов и его литературные отношения... С. 35.

¹³ Заглавие к «Письму» написано почерком редактора Г. Ф. Миллера. См.: Там же. С. 96.

¹⁴ СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. № 25. Л. 414.

да того достойны, чтоб не только на нашем, русском, но и на всех языках читаны были; однако возможно ли всем постигнуть красоту мыслей Геллертовых. Очень изрядно некто сказал, что всякой перевод есть худая копия с подлинника; а сие еще с тем большею справедливостию о стихах сказать можно. И для того я, переводя Геллерта, приводил себе на ум то, что некогда Virgilius Лицидас о себе сказал:

Neque adhuc Vario vidor nec dicere Cinna,
Digna, sed argutes inter strepere anser olores.
Ecl. 9

Для доказательства, вот вам и худая копия с подлинника:

Еще я не могу исправно так писать,
Чтоб Варий с похвалой иль Цинна мог читать;
Но только лишь, как гусь, меж лебедьми летаю
И стройность гласа их нестройностью мешаю.

Итак, хотя вы что в них и несходственное с изображениями сего славного стихотворца найдете, почтите, что мое намерение было при первой сей к стихам охоте перевести только, а не в полной красоте представить Геллерта. Избранная для переводу материя, думаю, не несогласна будет с намерением сочинений ваших, как некоторым образом служить могущая к увеселению и пользе. Ибо ежели в свете любовь быть должна, то ей, кажется, такой быть надлежит, какой требует автор, то есть соединенной с добродетелью и разумом, о чем, напротив того, другие ея описатели редко упоминают. Я в прочем полагаюсь на справедливое и беспристрастное рассуждение ваше, и в обоих случаях, хотя вы свету или тме сей небольшой важности труд мой предадите, постановлением вашим доволен буду, как тот человек, который дела свои суду искуснейших подвергать за честь себе ставит и есть с отменным почтением

Государь мой
Ваш и проч.¹⁵

Самая тональность решительно не позволяет считать автором письма, а переведенного стихотворения Сумарокова. Он гордился своим литературным творчеством, и ему не могли принадлежать слова «я никогда не старался быть в профес-

¹⁵ Ежемесячные сочинения. 1755. Август. С. 151—153.

сии стихотворцов».¹⁶ Сумароков уже несколько месяцев успешно сотрудничал в «Ежемесячных сочинениях» и пользовался в это время явным расположением редактора — Г. Ф. Миллера. Он ни в коей мере не считал себя «гусем» среди «лебедей» на литературном поприще. Смиранный тон переводчика, желание польстить редактору как человеку «искуснейшему» — все это было совершенно несвойственно Сумарокову. Введение в текст письма цитаты из эклоги Вергилия на латыни, здесь же переведенной на русский язык стихами, также свидетельствует против атрибуции стихотворения и письма Сумарокову, который не был знатоком древности. Автор выражает согласие с мыслью Геллерта о том, что любовь должна быть соединена «с добродетелью и разумом», и тут же упрекает тех «описателей» любви, которые об этом редко упоминают. Такой упрек вполне мог быть направлен против Сумарокова, самого популярного в это время автора любовных песен.

Закономерно возникает вопрос: почему Новиков напечатал в составе своего издания стихотворение Геллерта, если Сумароков не был его переводчиком? Поскольку письмо переводчика не было напечатано Новиковым, следовательно, он не обращался к журнальной публикации, а текст стихотворения, очевидно, был взят из бумаг Сумарокова, среди которых находилось и это сочинение, каким-то образом попавшее к поэту.

Вопрос об атрибуции перевода достаточно сложен. И В. К. Тредиаковский, и молодые поэты, привлеченные Миллером к участию в журнале (А. А. Нартов, М. М. Херасков, Н. Н. Поповский, А. Д. Дубровский), тоже подписывали свои публикации инициалами. Некоторые материалы помещались, однако, и без подписи. Известно, что в «Ежемесячных сочинениях» И. П. Елагин печатал перевод принадлежащей К. Х. Гертнеру большой статьи под названием «Автор» из того же немецкого журнала «*Belustigungen des Vernunftes und Witzes*». Перевод публиковался без подписи в нескольких выпусках «Ежемесячных сочинений» начиная

¹⁶ На это обратила внимание А. Г. Готовцева, справедливо оспорившая атрибуцию этой публикации Сумарокову (см.: *Готовцева А. Г.* «Сие есть наиполезнейшее для российского общества»: Журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. 2-е изд. М., 2019. С. 151—155). Об этом же писал еще в 1948 г. Г. А. Гуковский в сохранившейся в корректуре статье «Материалы к изучению Сумарокова» (С. 863). Корректурa находится в составе библиотеки П. Н. Беркова, хранящейся в Центральной научной библиотеке им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Минск).

с июльского. Елагин, как и Сумароков, не был знатоком латыни. Сопоставив перевод Елагина с оригиналом, П. Н. Берков отметил, что это была обработка, сделанная «применительно к русским условиям»,¹⁷ и, таким образом, эта статья стала частью литературной борьбы, начавшейся еще в 1753 г. и продолжавшейся теперь в «Ежемесячных сочинениях».

По сравнению с предшествовавшей рукописной полемикой, принимавшей откровенно грубые формы, на страницах академического журнала по требованию редактора авторы должны были воздерживаться от слишком резких высказываний, которые могли бы оскорбить других литераторов.¹⁸ Перед публикацией представленные материалы обсуждались на заседаниях академической Конференции. Споры продолжались, принимая более завуалированные формы, поэтому далеко не всегда можно уловить скрытый смысл отдельных высказываний и точно определить, против кого именно они направлены. Как считал Л. Б. Модзалевский, Елагин полемизировал с Г. Н. Тепловым, который в мае и июне анонимно выступил на страницах «Ежемесячных сочинений» со своими статьями о стихотворстве, направленными против Сумарокова и его школы. Теплов хорошо знал латынь и античную литературу, ссылаясь в своих статьях на многих древних авторов. Цитируя их, он приводил оригинальный текст, но стихи переводил прозой. Как и переводчик Геллерта, Теплов как раз вполне мог сказать о себе: «Я никогда не старался быть в профессии стихотворцов». Можно также отметить, что и в его статье «О качествах стихотворца рассуждение», и в заметке, предшествовавшей переводу Геллерта, высказывается одна и та же мысль по поводу стихотворного перевода. В «Рассуждении» говорится: «...перевод не может николи стихотворцева изъяснить оригинала»;¹⁹ в статье: «Очень изрядно некто сказал, что всякой перевод есть худая копия с подлинника; а сие еще с тем большею справедливостию о стихах сказать можно». В обеих статьях упоминается древний стихотворец Варий, или Вариус. Но, разумеется, все это еще не может служить доказательством того, что переводчиком Геллерта был именно Теплов.

Следует признать, что вопрос о том, кто был переводчиком стихотворения, остается открытым. Но выясняется, что публика-

¹⁷ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1760. М.; Л., 1936. С. 171.

¹⁸ Об этом см.: Там же. С. 150—153.

¹⁹ Ежемесячные сочинения. 1755. Май. С. 382.

ция этого перевода оказалась тесно связана с обстоятельствами литературной борьбы, получившей отражение в «Ежемесячных сочинениях».

Обращение к «Протоколам заседаний Конференции императорской Академии наук» позволяет восстановить историю публикации перевода из Геллерта. Это сочинение, сопровождаемое письмом переводчика и представленное редактором «Ежемесячных сочинений» Г. Ф. Миллером как произведение неизвестного автора, впервые обсуждалось на заседании 14 июня 1755 г. В протоколе говорилось, что, поскольку в переводе Геллерта И. И. Тауберт заметил «некоторые погрешности против русского языка и поэтических правил», было решено сообщить это стихотворение «кому-либо из отсутствовавших сочленов, знатоков русского языка». ²⁰ Речь могла идти о членах Конференции Ломоносове и Тредиаковском. Но обращаться к ним Миллеру явно не хотелось, учитывая его разлад с Ломоносовым и столкновение с Тредиаковским, произошедшее именно в июне.

В своем «доношении» в Академию от 1758 г. Тредиаковский вспоминал все обиды и притеснения предшествовавших лет: «Однако я не лишился вдруг бодрости: тщился маленькими писесами, вносимыми в Ежемесячные сочинения, казать мой труд. Но г. конференц-секретарь Миллер разгласил, что от меня ничего не велено принимать». ²¹ Далее, перечисляя свои многочисленные отвергнутые сочинения, поэт упоминал, что его «пиеса стишками о выборе невесты, врученная самому его графскому сиятель-

²⁰ Praelectae sunt duae epistolae Russicae, his diebus ab auctoribus ignotis ad Müllerum misse, ut Observationibus menstruis inserantur. Prior continet explicationem novae artis pyrotechniae Boloniensis et censetur digna typis, altera versiculos quosdam Cl. Gellerti Russice versos comitatur, in quibus cum Taubertus nonnullus naevos contra linguam Russicam et regulas poeticas observaret, statutum est, illos cum absentibus quoque Sociis linguae Russicae gnaris communicare. — *Пер. с лат.*: «Были прочитаны два русских письма, на днях присланные к Миллеру от неизвестных авторов для помещения в Ежемесячные сочинения. Первое содержит объяснение нового Болонского протехнического искусства и сочтено достойным для печати; при другом препровождены русские стихи [переведенные из] Геллерта, в которых Тауберт заметил некоторые погрешности против русского языка и поэтических правил, решено сообщить кому-либо из наших отсутствующих сочленов, знатоков русского языка (См.: Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1899. Т. 2: 1744—1770. С. 329). За помощь в переводе этого текста благодарю А. А. Костина.

²¹ *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 183 [Фототипическое изд.: Leipzig, 1977].

ству (К. Г. Разумовскому. — *Н. К.*), которая не неосновательно мне казалась, уничтожена ж», т. е. отвергнута для публикации. Эта «пиеса» была представлена Третьяковским не позднее июня 1755 г., т. к. он вспоминал: «Был я в собрании [академическом] и помнится, что в июне месяце: там спросил при всем собрании г. конференц-секретаря, по какой бы он власти и по чьему повелению лишает меня моего законного права тем, что моих пиес не принимает от меня в книжки <так!> и апробованных не печатает. Но он мне на то с презрением, как будто должным уже и заслуженным, отвечал при всем же собрании, что не должен мне ничего сказать, сколько б я его ни спрашивал. <...> Я извне замолчал, а внутри раздирался на части...».²²

Опубликованная в июне статья Третьяковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» вызвала возмущение Сумарокова. На заседаниях академической Конференции 12 и 19 июля рассматривалась направленная против Третьяковского его «Эпистола» и возражение Третьяковского. Хотя было решено ничего из этих материалов не публиковать, в августовском выпуске появилась целая подборка стихов Сумарокова, включавшая другую его «Эпистолу», а также пародийный «Сонет, нарочито сочиненный дурным складом», метивший, по единодушному мнению исследователей, в Третьяковского. К этому времени тот фактически потерял возможность по-прежнему сотрудничать в «Ежемесячных сочинениях». Сумароков же продолжал публиковать там свои сочинения, явно пользуясь поддержкой Миллера. Поэтому вполне вероятно, что Миллер обратился именно к Сумарокову как знатоку языка и поэзии для оценки перевода Геллерта. Наличие текста стихотворения в архиве Сумарокова служит подтверждением именно этому. Видимо, по требованию рецензента, были поправлены особенно неуклюжие три первых строки перевода, который и появился в августе на страницах журнала. Миллер явно не хотел отказывать в публикации автору перевода, имевшему, по-видимому, довольно важный статус.

Можно было предположить, что упомянутая Третьяковским «пиеса стишками о выборе невесты» — это и есть перевод стихотворения Геллерта «Достойная любви», где речь шла как раз о тех качествах, которыми должна обладать женщина, способная составить счастье будущего супруга. Однако, несмотря на явное тематическое сходство, речь, очевидно, шла о другом произведении Третьяковского, а именно о его переводе с латыни стихо-

²² Там же.

творения «Фомы Мория», т. е. Томаса Мора «К Кандиду о выборе надлежащей жены». Этот текст сохранился и был напечатан спустя девять лет в 1764 г. в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» в одном из томов «Римской истории» Ш. Роллена. Тредиаковский поместил здесь целый трактат, посвященный и выбору невесты, и отношениям между членами семьи. Он ссылался при этом на Христиана Томазиуса, который считал, что «при вступлении в супружество благоразумный человек в супружнице разум за самое лучшее приданое почитает». Упомянув, что эта идея почерпнута из стихов Т. Мора, Тредиаковский продолжал: «Стихи сего славного и мудрого человека мне показались, читавшему их в некоей смешенных вещей латинской книжечке **давно уже**,²³ толь сочинены изрядно, в рассуждении дела и советов, да и так я ими усладился, что **тогда ж** еще переложил их на наш язык стихами ж».²⁴ В этом довольно большом по объему стихотворении, несколько дополненном самим переводчиком, развивались идеи, во многом созвучные произведению Геллерта: прельщаться нужно не красотой, которая неизбежно увядает, но характером женщины, ее умом, нравственными достоинствами. Достаточно привести некоторые строфы:

Что ж чудна красота?
 Болезнь не всю ль ту губит?
 Не старости ль черта
 Морщин в ней тьмы сугубит? <...>

Тиха б она была,
 Была б она спокойна;
 Обратность бы смела,
 Однак же б та пристойна. <...>

За всем, ее остр ум
 Иль знал бы уж науки,
 Охоту б иль к ним дум
 Мог прилагать без скуки. <...>²⁵

²³ Здесь и далее выделено мной. — Н. К.

²⁴ Роллен Ш. Римская истории от создания Рима <...> с французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского. СПб., 1764. Т. 11. С. XXI—XXIII. См. также.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения / Вступ. статья и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. С. 324—336; 521—522.

²⁵ Роллен Ш. Римская истории от создания Рима... С. XXIV—XXIX.

Все эти мотивы есть и у Геллерта, но, кроме того, в его стихотворении появилась тема, на которую следует обратить особое внимание, а именно упоминание об одежде, нарядах, украшающих женщину лишь внешне:

Хотя мне то весьма приятно,
Умеет коль она изрядно
Пристойно и себя одеть,
Но радость та мне несравненна:
Она не платьем украшенна,
Но платью коль красу дает.

По всей видимости, именно эти строки послужили мишенью для насмешек Сумарокова при написании его пародийного «Сонета, нарочито сочиненного дурным складом», причем напечатанного не в подборке его стихотворений, помещенных в августовском выпуске «Ежемесячных сочинений», а в самом конце, по-видимому, как материал, добавленный уже при завершении работы над выпуском, включавшем стихотворение Геллерта.

Приведенные выше строки находят непосредственное отражение в тексте пародийного «Сонета» Сумарокова:

Всяко се наряд твой есть весь чистоправный,
А хотя бы твой убор был бы и ничто,
Был, однак, бы на тебе злату он не равный,
Раз бы адаманта был драгоценней сто.

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одета ты иль хотя убого.²⁶

Публикация сопровождалась примечанием автора: «Для показания, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении, все то сочинителю никакого плода, кроме посмешества, не принесет».²⁷

Сумароков, вероятно, не знал, кто был переводчиком, но, может быть, воспринял стихотворение как сочинение Тредиаковского: пародия была написана по свежим следам, на произведение, появление которого связывалось с воспоминаниями о недавних громких баталиях с поэтом, тщетно пытавшемся напечатать

²⁶ А. С. [Сумароков А. П.]. Сонет, нарочито сочиненный дурным складом // Ежемесячные сочинения. 1755. Август. С. 191.

²⁷ Там же.

в журнале свои «стишки о выборе невесты». Заподозрив авторство Тредиаковского, Сумароков пишет пародийный «Сонет», который включается в тот же августовский номер «Ежемесячных сочинений», когда он почти весь уже набран.

Б. А. Успенский и М. С. Гринберг рассматривали те основные особенности поэтического языка Тредиаковского, которые пародировались Сумароковым, в том числе в этом «Сонете».²⁸ Среди них, в частности, «составные сказуемые с ненулевой связкой» («Изо всех красот везде он всегда *есть* славный», «Всяко се наряд твой *есть* весь чистоправный»); свобода инверсий; характерные слова-затычки («весь», «всяко»). Отмеченные особенности можно заметить и в тексте переведенного из Геллерта стихотворения: «Для мужа *есть* милей всего», «Великий дар *есть* сердце верно»; «Свое во время власть взяла» (вместо «в свое время»); «вещам *и* к лучшим устремленный». Предметом пародии становились такие поэтические «вольности» Тредиаковского, как усеченные формы: «больш» вместо «больше». В стихотворении Геллерта: «Еще *больш* разумом крепит». В тексте «Письма» переводчика можно также найти характерное для Тредиаковского двойное отрицание: «Избранная для переводу материя, думаю, *не несогласна* будет с намерением сочинений ваших».

Но при всей важности стилистического анализа нельзя полагаться только на такие наблюдения при решении вопроса об атрибуции. Ошибиться мог и сам Сумароков, считавший, по-видимому, именно Тредиаковского переводчиком стихотворения Геллерта и потому принявшийся высмеивать мотив, связанный с упоминанием одежды, новый и необычный для русской лирики того времени.

Подводя итоги, следует признать, что в рассмотренном сюжете остается еще немало загадок. Кто был переводчиком стихотворения Геллерта, знал ли Сумароков его имя, только ли против Тредиаковского был направлен его пародийный сонет; наконец, было ли случайным совпадением одновременное обращение русских авторов к стихотворениям Томаса Мора и Геллерта, посвященным одной и той же теме?

Вместе с тем можно говорить о следующих основных результатах проведенного исследования: 1) с определенностью отме-

²⁸ Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 278—280.

тим, что перевод стихотворения Геллерта «Достойная любви» не принадлежал Сумарокову; 2) несомненна связь между этим переводом и пародийным «Сонетом, нарочито сочиненным дурным складом» Сумарокова; 3) перевод стихотворения Т. Мора, напечатанный Третьяковским в 1764 г., можно теперь датировать не позднее 1755 г.